

В далеком 1999 году в Вологде в здании филармонии (бывшего дворянского собрания) состоялся пленум Союза писателей России. Тема его была предсказуема – «Вологодская литературная школа: народность, традиции, слово в русской культуре». Открывая пленум, председатель правления Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев сказал: «Мы низко кланяемся Василию Ивановичу Белову за его нравственность, за его служение слову, за его требовательность, за его совесть». Он вручил великому русскому писателю золотую медаль, посвященную 200-летию А. С. Пушкина, а затем предоставил ему слово для выступления. То, о чем говорил тогда Василий Белов, воспринималось довольно скептически. На видеозаписи, любезно предоставленной давним другом вологодских писателей Александром Алексичевым, этот скепсис виден и слышен явно, к нашему сегодняшнему стыду. Василий Белов оказался прав, особенно в оценке «пятой колонны», и сегодня разрушающей Россию, но воистину пророчески стали его слова о трагедии на Украине, о которой он говорил с болью, не понятой тогда

нами. Многое из сказанного классиком около двадцати лет назад, на рубеже веков, и сейчас мы не сможем осознать до конца. Такова особенность обычного человеческого зрения, не видящего дальше сегодняшнего горизонта. Василий Белов видел столь зорко, сколь может видеть только гений. Выступление В. И. Белова публикуется впервые.

**РЕЧЬ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА НА ПЛЕНУМЕ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
В ВОЛОГДЕ
9 ДЕКАБРЯ 1999 ГОДА**

Дорогие друзья, я прежде всего должен приветствовать наших дорогих гостей: Валентина Григорьевича Распутина, Игоря Ростиславовича Шафаревича, Станислава Юрьевича Куняева, Валерия Николаевича Ганичева, и всех тех, кого я не назвал сейчас. Потому что со всей России приехали к нам люди. Вот, например, старинный мой приятель Юрий Бородкин приехал из Ярославля.

Годится ли для нашего разговора географический принцип? Я сомневаюсь в этом. С

легкой руки какого-то расхожего критика вошло в моду не очень корректное выражение «литературная школа». Началось, по-моему, с ростовской школы, далее узрели смоленскую, теперь вот появилась и вологодская школа. Какая школа, друзья мои? Что значит школа? Какой примитивный метод достался нам в наследство от вульгарного социологизма, от тотального интернационализма, который вошел в наши плоть и кровь, во все поры нашей национальной культуры и экономики? И привел этот тотальный интернационализм именно к тому развалу, который произошел с нами, к развалу государства. Я не признаю никаких школ, признаю только одну школу, русскую!.. Аплодисментов нет (после этого замечания Василия Белова раздали жидкие хлопки. — В. Б.). Эта школа одна на всех у нас, и говорить нужно о ней, а не о вологодской и ростовской школах. Национальная школа должна у нас существовать. Разве «Тихий Дон» относится к школе южной, ростовской? Или «Василий Теркин» Смоленск представляет? Это что, школы что ли? Какие это школы, это русская литература, она присутствует во всем мире и для всех русских, и не только для русских. Делить литературу по географическому принципу весьма опасно, об этом нельзя забывать. Так же опасно делить ее на деревенскую и городскую, на производственную и военную. Подлинная литература не признает никаких школ, делится лишь по национальному признаку, либо просто по языку, или просто на хорошую и дурную. Мне кажется, что с этой трактовкой культуры и литературы согласятся и грузины, и армяне, и немцы, и финны, не согласятся разве что

украинцы (после этих слов зашелестел легкий мысленный хохоток в зале. — В. Б.). Ответ на этот вопрос: «Согласятся ли украинцы? — обусловлен другим вопросом: существует ли украинский язык? Не разновидность ли это русского языка? Вопрос этот опасный, может, даже трагичный, поэтому отложим ответ на благоприятное будущее. Лично я придерживаюсь тех взглядов, которые выражал Данилевский (1), а также историк Николай Иванович Ульянов (2).

Но обратимся к вологодской литературной школе, поскольку термин уже внедрился. Ее, эту школу, никак нельзя оторвать от северной литературной традиции, от северного фольклора, и музыкального, и словесного, традиции эти идут еще со времен домонгольских. Первым нашим, то есть вологодским, писателем я называю Даниила Заточника, я об этом уже говорил несколько лет тому назад. Плач Даниила Заточника (3), или Слово, создан недалеко от моей Тимонихи, на озере Лача. Вот слова из этого плача: «Кому Переяславль, а мне Гореславль, кому Боголюбово, а мне горе лютое, кому Белоозеро, а мне чернее смолы, кому озеро Лача, а мне много плача». Видите, когда еще началась традиция фольклорная и писательская.

Бессмертный памятник литературы «Слово о полку Игореве» написан на столетие раньше плача Даниила Заточника и в другом месте. Новое слово выросло на одних и тех же корнях, питается одними и теми же соками, соками народной жизни. Оба Слова этих прочно спаяны народной жизнью, то есть Православием и русским фольклором. Вот чем связаны оба этих литературных памятника. Хотя между

ними зияет промежуток в целое столетие, эту связь можно выразить лишь словами нашего Николая Рубцова: «С каждой избой и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувствую самую жгучую, / Самую смертную связь». Эти строки тысячелетней традиции – разве не такие же меры присущи Твардовскому и Шолохову? Потрясающее единство в необъятном многообразии имен, названий, методов, стилей, жанров, образов – и все это один русский язык, он креп и рос на протяжении веков, превратился в один из мировых языков. Ей Богу, вовсе не стыдно говорить на таком языке!

Но зададимся таким вопросом: у кого и как учились, перенимали образное мастерство сами создатели бессмертных литературных памятников? На кого опирались они? Всем, кто жил после них, было на что опереться, были традиции, уже существовали опоры, пусть недостижимые, в смысле почти идеальные, божественные. Простой пример: Александр Пушкин. После того, что совершено им, разве не обязаны были явиться Михаил Лермонтов, Александр Блок, Марина Цветаева, Николай Рубцов? Но я говорю об авторах тех, еще безымянных слов... Даниил Заточник на кого опирался? Откуда черпал он свое вдохновение? Раздумывая об этом, я вынужден цитировать самого себя, тот же «Лад». Вот фрагмент из главки о пастухах, самой безобидной, самой простой категории населения: «Вся жизнь пастуха на природе, поэтому он был еще и опытным лесовиком, хорошо чувствовал перемену погоды, знал множество примет, умел драть корье, бересту, плести из них лапти и другие изделия. Питался и ночевал пастух у всех по

очереди. Если в деревне тридцать домов, то за месяц он побывает в каждой крестьянской семье. И, конечно же, узнавал не только то, что сегодня варили в том или другом доме. Он знал все. Скотина тоже была в его руках, и неудивительно, что пастуха побаивались, уважали, а иногда и баловали недорогими подарками.

Рожок или дудка веками печально звенели в русском лесу сквозь его отрешенно-широкий шум. Коровы знали несколько музыкальных колен. Они выполняли такие музыкальные команды:

1. Выходи из дворов.
2. В прогон! В прогон!
3. Делай что хочешь.
4. Опасно, беги!
5. Общий сбор в одном месте.
6. Домой! — и другие команды».

Я вспомнил о пастухах в связи с музыкой, в связи с фольклорной стороной, отраженной в какой-то мере в книге. Придется повторить основную мысль моего выступления на десятом съезде, на последнем. А мысль моя такая: чтобы выжить нашему Отечеству, главное сейчас, может быть, не слово, не публицистика, не печать, а музыка, песня. Конечно, слово – это слово, но вот на сегодняшний день самое главное – это музыка. Разрушение эстетики идет больше по этой линии.

Год назад в «Парламентской газете» (4) я попробовал сказать об этом: «Свобода России поистине теперь сатанинская. Чувствую себя свободным независимо от того, есть у тебя способность сочинять текст и музыку или никакого таланта нет. И вот возомнили себя

творцами тысячи недорослей мужского, женского, а больше всего среднего рода, «вдохновение» захлестнуло души скучающих бездельников, не желающих знать ничего, кроме пошлейших своих текстов и бесстыдных дерганий под механизированные гитары эстрадных подмостков. А седовласые «мэтры», музыкальные знатоки среди этого многоголосья начали устраивать музыкальные гонки, внедряя конкурсы, отбирая наиболее нахальных и двигая их в телевизор и на радио». Вы можете поспорить со мной, но я думаю, что спорить тут не о чем, вы попробуйте включить телевизор... Недавно у нас в Вологде прошел великолепный праздник, праздник музыки. Был у нас детский фестиваль гаврилинской музыки. Гаврилин подписался бы под этими словами, которые я сейчас процитировал. Он говорил, что есть артисты и музыканты яркие, странные. Свет от них нехорош и пуст. Кто помнит время керосиновых ламп, тому знакомо, как иногда умирал огонь под стеклом. И вдруг вспыхивает сильно и ярко – это значит, кончился керосин и загорелся фитиль, это плохо, и такое нельзя допускать, опасно, когда горит фитиль. Такие и артисты бывают. Иной раз большие мастера, а горячего нет, а полыхают, горит фитиль... Вот такой мудрый был композитор у нас. Я считаю, что это был гениальный музыкант, который прославил нашу вологодчину. Первым и самым мощным разрушителем, музыкальным Дудаевым был Владимир Высоцкий. С него началась окончательная расправа над русским мелосом. Это я не боюсь сказать именно здесь, в филармонии, где люди филармонические призваны внедрять именно национальную мелодическую

культуру. Да, хриплый этот, жеребчатый голос Высоцкого похоронил великую музыкальную культуру нашей Родины. Это был один из главных способов разрушения эстетики, а следовательно, и национальной культуры, а значит, один из элементов государственного разрушения. Не так-то просто вернуть сейчас нашу молодежь к родной, не забугорной эстетике. Но сотрудник «Парламентской газеты» выбросил именно эти слова. Я не хочу сейчас называть его фамилию.

Вообще, по музыкальному репертуару радиостанции «Маяк» можно легко уяснить, чего больше всего боятся наши враги. Мы разучились петь собственные песни, собственную музыку мы разучились слушать, именно такой народ нужен нашим врагам, нашей «пятой колонне», руководимой Мадлен Олбрайт и целой сворой бжезинских. Они хотят вытравить из нашей плоти и крови все русское понимание музыки, наш мелос. Речь идет не только о музыке... ■

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Николай Яковлевич Данилевский (28 ноября (10 декабря) 1822, село Оберец Орловская губерния – 7 (19) ноября 1885, Тифлис) – русский социолог, культуролог, публицист и естествоиспытатель, геополитик, один из основателей цивилизационного подхода к истории, идеолог панславизма. В 1850-х годах Н. Я. Данилевский жил в Вологде, работал в канцелярии вологодского губернатора. Основное произведение Н. Я. Данилевского – книга «Россия и Европа» (1871 г.). Ф. М. Достоевский назвал «Россию и Европу» «настолярной книгой всякого русского». На данный момент Н. Я. Данилевский

заслуженно признан классиком русской геополитики.

2. Николай Иванович Ульянов (23 декабря 1904 (5 января 1905), Санкт-Петербург – 7 марта 1985, Нью-Хейвен) – русский историк и писатель. Главным научным трудом Н. И. Ульянова стало исследование «Происхождение украинского сепаратизма» (1966 г.), написанное в эмиграции.

3. Даниил Заточник (XII или XIII век) – уроженец Переяславля, писатель, биографические данные о нем отсутствуют. Предполагают, что ему принадлежат два близких по тексту произведения, именуемых редакциями, или же одно из них. Первая редакция – «Слово Даниила Заточника», вторая – «Моление Даниила Заточника».

4. «Парламентская газета» – периодическое общественно-политическое издание Федерального Собрания Российской Федерации. Основана газета 7 мая 1998 года.

Примечания и публикация Виктора Баракова